АВТОР НОВОГО РОМАНА

Писателю Михаилу ЕЛИЗАРОВУ — 50!

ЮБИЛЕЙ ПИСАТЕЛЯ — это всегда прекрасная возможность поговорить о его месте в современной литературе. И речь пойдёт о таком многогранном писателе, как Михаил Елизаров.

Юбилейное эссе можно было бы написать в возвышенно-метафорическом стиле, который сам Елизаров вообще-то любит: морпех дивизии "Гоблин", кумир спецназа Зазеркалья, русский дуче Бураттини, расхититель инфернальных сновидений, заклинатель древних демонов — Эроса и Танатоса, ну и так далее. Но мне хотелось уговорить вас на более серьёзный разговор. При этом я буду обращаться, конечно, к Z-аудитории, но не к литераторам и профессиональным читателям, а к людям, интересующимся литературой от случая к случаю.

В нашей патриотической среде Елизаров является весьма ценимым, но вряд ли очень любимым — свидетельству в данном случае на основании личного опыта. И связано это, на мой взгляд, с непониманием функций современной литературы.

Простой патриотически настроенный читатель, радетель русской духовности, открывая художественное произведение, ожидает от него по меньшей мере двух вещей: 1) чтобы было максимально приближено к реальной жизни, "типичный герой в типичных обстоятельствах", с актуальными, а не надуманными конфликтами, проблемами и ситуациями; 2) чтобы произведение сеяло "разумное, доброе, вечное", укрепляло духовно-нравственные скрепы, имело воспитательное значение (в качестве примеров обычно упоминаются "Повесть о настоящем человеке" и "Как закалялась сталь").

Иначе говоря, произведение должно правдиво отражать социальные отношения и материально-предметный мир (описательная функция), а также указывать способы выстоять в этом мире и по возможности улучшить его (дидактическая и критическая функция). Те, кто читал хотя бы некоторые тексты Елизарова, согласятся, что этим ожиданиям они совершенно, да что скрывать — прямотаки жестоко не соответствуют.

Вот Роман Сенчин, казалось бы, им более соответствует, поэтому его так полюбили условные "патриоты". Тем, кто продолжает любить, — посоветую книгу Сенчина "Петля", там есть весь "джентльменский набор" ультралиберала — апология ренегата Бабченко, осуждение "кровавого режима" и защита ЛГБТ (в том духе, что у каждого представителя нетрадиционных меньшинств есть мама, так что заткнитесь). Но СВО всё расставила по своим местам. Думаю, что из-под пера Елизарова никогда бы не вышла подобная мерзость. Наоборот, Елизаров — один из авторов самоироничной оркской самоидентификации Z-воинов: "Помнишь, брат, как давили эльфийскую мразь".

Напомню и слова Елизарова из интервью 2015 года: "Украине нужно прекратить своё существование, ей нужно самоубиться, раствориться, лопнуть, исчезнуть. Она утратила кармическое право на существование. Страна, в которой люди были готовы убивать своих граждан, права на существование не имеет. Людей, которые всё это устроили и кто причастен к массовым убийствам, нужно судить и казнить в назидание, чтобы в будущем было неповадно. Страну нужно переформатировать, провести референдумы и разделить по формату тяготения к культурным центрам". Это, пожалуй, лучший ответ на вопрос о таинственных целях СВО, который мне встречался.

Но вернёмся к литературе. Так вот, все перечисленные функции имеют для современной литературы третьестепенное значение. Описательную функцию современные технологии фактически отменили, как это ранее произошло с другими искусствами. Проза, сколь бы реалистической она ни была, не может конкурировать с видео "от первого лица" или гонзо-журналистикой. Например, вы вряд ли будете искать правду о СВО в романах о Донбассе, скорее, заглянете в телеграм-канал какого-нибудь военкора. Зачем читать о переживаниях вымышленных героев, если можно услышать прямую речь настоящих героев и увидеть всё своими глазами? Именно поэтому нормальные критики сразу отправляют разного рода "бытописательство" в мусорную корзину (извините, что раскрыл тщательно оберегаемый секрет нашего литературно-критического цеха).

С дидактической функцией литературы всё ещё хуже. Если вы до сих пор верите, что литература должна давать читателю "образец", чтобы он мог достойно прожить собственную жизнь, подумайте, пожалуйста: на какой литературе выросла большая часть русофобской ультралиберальной элиты? Это те самые дидактические шедевры соцреализма вроде "Повести о настоящем человеке", "Молодой гвардии" и "Как закалялась сталь". Конечно, я не рекомендовал бы книги Елизарова подросткам (особенно "Кубики"), но в том-то и дело, что должна существовать литература не только для подростков.

Критическая функция, чаще всего выполняемая путём противопоставления гнусности реальности и "прекрасного подобия жизни", также совершенно неактуальна. Конец утопического мышления давно наступил, роман-матрёшка "Мультики" и кладбищенский роман Елизарова "Земля" хорошо это отражают.

ЧТО ЖЕ ОСТАЁТСЯ? Какая функция у современной литературы является самой важной? Ответ известен давно, но он, так сказать, не стал достоянием масс. Литература стала играть такую маргинальную социальную роль, что инертное мышление просто не в состоянии переварить произошедшую трансформацию.

Не хочется умничать, но процитирую выдающегося немецкого литературоведа Вольфганга Изера, основоположника рецептивной эстетики и автора "закона Изера": значение литературы падает прямо пропорционально росту доступности книг. В эссе "Изменение функций литературы" (1986 г.) он писал: "Литература занимается как раз тем, что было опущено, проигнорировано, вытеснено из картины мира ради того, чтобы стабилизировать наш мир разного рода институциями… Предмет литературы — вытесненное из сознания, подсознательное, немыслимое, может быть, даже несоразмерное человеку… В этом отношении литература — наследница мифа, чья основная функция состояла в смягчении первобытного ужаса с помощью образов. Литература отличается от мифа тем, что она проливает свет на недоступное, неявленное, через сюжеты и образы выводит его наружу".

Похожих взглядов на литературу, хотя и в немного другой акцентировке, придерживался великий классик русской литературы Юрий Витальевич Мамлеев, в гостях у которого я, кстати, лично познакомился с Михаилом Елизаровым. В книгах Елизарова присутствует всё то, о чём говорили Изер и Мамлеев: тут и трансцендирование социального статус-кво, анализ всевозможных психопатий и девиаций, работа с магическим мышлением, "экскурсии" в потустороннее, метафизический антиутопизм, саквояж эзотерика-виртуоза, прозрение "а дверь-то открывается внутрь". В этом смысле Елизаров — настоящий наследник и продолжатель дела Мамлеева и таким образом самый актуальный современный русский писатель.

Менее всего я преувеличиваю значение литературы. На примере украинского национализма мы видим, что для культурной самоидентификации и самоутверждения, этнического нарциссизма и самоупоения вообще не требуется никаких вершинных литературных достижений, которых украиноязычная литература просто не имеет. Тем не менее нас тревожит ситуация в русской литературе.

С одной стороны, перестал мелькать иноагент Дмитрий Быков, бездарный литератор и махровый графоман, который несколько десятилетий своей рыхлой габаритной фигурой заслонял более одарённых писателей. В условиях дефицита читательского внимания информационный шум, создаваемый подобными персонажами, наносил чудовищный вред, точную оценку которому даст только время.

С другой стороны, очистка авгиевых конюшен в литературе толком даже не началась. На своих местах сидят сотрудники либеральных толстых журналов, благоденствуют организаторы коррумпированных премий (а это как минимум восемь из топ-10 российских литературных премий), про лоббистов почивших "Дебюта" и "Русского Букера" тоже не стоит забывать. Продолжают свою деятельность издатели-русофобы, сбывая медный колчедан по цене золота. Их преступления против русской литературы и Российского государства не имеют срока давности. Работы непочатый край, ибо "прячется змей в траве" и "злодействуют злодеи злодейски" (Ис. 24:16).

А в заключение хочу ещё раз поздравить Михаила Елизарова с юбилеем, а нас всех — с тем, что у нас есть такой замечательный писатель-современник.

Михаил БОЙКО

КОЖИНОВ

Лучший друг газеты «ЗАВТРА»

На страницах "Завтра" стартовал проект "Светочи", где мы отдаём дань памяти нашим легендарным авторам. "Матрицу" этого проекта составляют материалы автора, некогда впервые опубликованные в нашей газете и на нашем сайте, некоторые важнейшие, на наш взгляд, его произведения, материалы других авторов, посвящённые жизни и творчеству нашего светоча, фото-, аудио- и видеоархив, биографические, библиографические или изографические данные о нём, с которыми можно ознакомиться на сайте zavtra.ru. Сегодня в связи с 22-летием его кончины мы вспоминаем Вадима Валериановича Кожинова.

НЕСМОТРЯ на всеобщее признание и причисление к лику классиков постсоветского русского патриотизма в самых широких общественных кругах, в том числе причастных к системе отечественной публичной (и непубличной) власти на очень высоких уровнях, творчество **Вадима Валериановича КОЖИНОВА** (5 июля 1930 г. — 25 января 2001 г.) во многом остаётся "подземным", то есть невидимым, неслышным, непубличным. Особенно тех его периодов (которые в данном случае можно назвать "доисторическими", то есть не касающимися проблем отечественной истории), которые были взяты Кожиновым "на прицел" только в последнее десятилетие его жизни и в итоге отмечены выходом таких значимых работ, как "История Руси и Русского слова. Современный взгляд" (1999), "Россия век XX. Опыт беспристрастного исследования" (1999), "Победы и беды России" (2000).

Но эти работы, уже "растворившиеся" в нашей культуре, ставшие неотъемлемой частью того идейного "воздуха", которым дышит нынешняя Россия, а значит, будет дышать и Россия будущая, появились не вдруг и не на пустом месте — им предшествовали минимум три десятилетия более чем профессиональных и более чем плодотворных трудов Вадима Валериановича на ниве русской литературы (поэзии в особенности) и русской культуры в целом. Писатели создают свои произведения (поэты — свои стихи), Кожинов же создавал и писателей, и поэтов, и (может быть, это самое главное) — их читателей (а ещё — художников, музыкантов, певцов и так далее), вернее, некую живую систему смыслов и ценностей, объединяющую наших соотечественников в общее целое, в народ. Его исторические труды — явное продолжение и завершение, высшие плоды всей проделанной им работы, имеющей важное значение не только для отечественной, но и для всей мировой культуры (чего в данном отношении стоит хотя бы его участие в возрождении творчества Михаила Михайловича Бахтина?!).

ТЕМ БОЛЕЕ странным выглядит тот факт, что за двадцать с лишним лет, прошедших с момента безвременной кончины Вадима Валериановича, не вышло не то чтобы академического, но хотя бы какого-то собрания его сочинений. Что тому причиной: конъюнктура ли современного отечественного книжного рынка (включая моменты авторского права), или "либеральный" (и не только) остракизм, или извечная черта нашего характера, отмеченная ещё Александром Сергеевичем Пушкиным: "Мы ленивы и нелюбопытны", либо что-то ещё? — Бог весть.

Впрочем, ещё при жизни автора хорошо знавший и высоко ценивший Вадима Валериановича академик Игорь Ростиславович Шафаревич отмечал: "В 1990-м году Кожинову исполнилось 60 лет. Я подивился тогда отсутствию юбилейных статей, посвящённых человеку, так много сделавшему для русской культуры". Да и сам Кожинов своих юбилеев не отмечал, за наградами и званиями не гнался, над бумагами не трясся — он всегда был бойцом на линии фронта: литературного, исторического, духовного…" Это была его стихия, его судьба, линия и смысл его жизни. Что полностью подтверждено продолжающейся жизнью его произведений, которые не просто переиздаются, но постоянно присутствуют в нашем коммуникативном пространстве — особенно благодаря современным технологиям.

Владимир ВИННИКОВ

ГРАНИ ВЕКА

Выставка в Музее современного искусства

"Была Россия — первая любовь грядущего…"

Евгений Евтушенко

РЕЖИССЁР ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ, чья судьба оказалась неразрывно связана с Куйбышевым-Самарой, откровенничал в своих мемуарах: "На творческой встрече меня спросил кто-то из зрителей: "Почему вы так долго не приезжали в Самару?" Я ответил исчерпывающе: "Потому что дурак!" Действительно, место уникальное: до революции один из богатейших купеческих центров, а после — индустриальный монстр, в хорошем смысле этого слова. Во время войны — "запасная столица", куда были спешно переведены многие московские учреждения. А ещё там сказочные волжские закаты и набережная длиной в пять километров.

Провинциальные картинные галереи — это всегда открытие, ибо они хранят нечто редкое, порой забытое. Выставка "Грани XX века", открывавшаяся в здании Музея современного искусства (Гоголевский бульвар, дом 10), — это встреча с произведениями из коллекции Самарского областного художественного музея. Масса хрестоматийных имён: Юрий Пименов, Илья Машков, Аркадий Пластов, Георгий Нисский, но есть и региональные авторы — допустим, Валентин Белоусов с трогательными городскими зарисовками 1960-х годов. По факту, Самарский музей изящных искусств отмечает своё 125-летие в московских стенах. Разве это не повод зайти?

Экспонаты расположены в хронологическом порядке, что подразумевает историческую преемственность и создаёт ощущение времён. Каким он был, двадцатый век, в России, Москве, Самаре, — и во всём мире? Наша коллективная биография помнит всё. "Двадцатый век… Ещё бездомней, / Ещё страшнее жизни мгла", — сказал печальный Блок. Жуткое и восхитительное столетье, где и революции, и войны, и Космос, и Бог, и безбожие, и мечта.

Стоит заметить, что ментальные и культурологические границы веков почти никогда не совпадают с датировками, и XX век наступил… в 1920-х годах, что мы и наблюдаем в экспозиции. Каждой из эпох отведено пространство, и вначале нас ждёт Interbellum — ярчайший миг меж двумя большими войнами. Лидирующий цвет — красный. Тут и "Ленин на Красной площади" русского "шведа" Бориса Иогансона, на его холсте всё ало и призывно полыхает; и "Девушка в красном" Георгия Ряжского, и "Работница" Александра Самохвалова в пролетарской косыночке всё того же зовущего оттенка; и даже немолодая и задумчивая "Крестьянка с решетом" Сергея Герасимова показана в красном платке. Лозунговая громогласность и динамика наступившего дня!

Красную линию продолжают "Яблоки и гранаты" Ильи Машкова — бунтаря и одного из идеологов общества "Бубновый валет", ставшего в 1930-х годах уверенным соцреалистом. Натюрморт Машкова дополняется "Примулами и гортензиями" Павла Кузнецова, где белые цветы хоть и милы, но как бы сникают и пасуют перед красными, а сувенирная плошка — красное и золото в дивном сплетении — подчёркивает торжество горячего цвета.

Вместе с тем предвоенная, точнее, межвоенная пора — это величавость. Вот пара изысканно-холодных картин Георгия Нисского, который умел передать морской воздух и знобкую свежесть. Здесь же авторская копия широко известного полотна "В.И. Ленин в Смольном" Исаака Бродского, основоположника Ленинианы в живописи. Прохлада кабинета подчёркивается светлыми покрывалами кресел. 1930-е — подготовка к оборонительной битве, культ высоты и пилотов, называемых "сталинскими соколами". Павел Корин представлен "Портретом Михаила Громова", одного из первых советских лётчиков, участника Гражданской войны. Предвоенную страницу закрывает Юрий Пименов с картиной "Почта пришла", написанной в 1940 году, — совсем скоро почтальона будут ждать, как божество, приносящее весточки с фронта, а пока — мирная идиллия, и девочка со смешными косами открывает дверь молодой почтальонше. Все ещё живы.

ТРИУМФАЛЬНАЯ ЭРА — от окончания войны до смерти товарища Сталина — это возвращение большинства имперских символов и понятий. Конечно, этот разворот к Руси-империи начался ещё в середине 1930-х, но пиковой точки достиг на волне Победы. Жанровая сценка "Первоклассница" Владимира Васильева — это неспешный рассказ о благополучном семействе и маленькой школьнице, которую собирают в дорогу: мать, бабушка и младший брат, глядящий на девочку с нескрываемой завистью. На первокласснице гимназическая форма, возвращённая в школы Сталиным. Тогда же ненадолго вернулись "николаевские" вицмундиры чиновников и служащих ряда ведомств.

Встречайте старую дореволюционную гвардию: Петра Кончаловского с натюрмортом "Тетерев и вальдшнепы" (а не с пышною сиренью, как обычно) и Павла Бенькова с зарисовкой "У водоёма", и если Кончаловский общеизвестен, то Беньков — забытый гений из Казани. Он был востребованным мастером до Революции, преподавал, фланировал по Европам, а в конце 1920-х уехал в Среднюю Азию, чтобы стать ведущим живописцем Узбекистана. Поэтому в Ташкенте его знали (и знают) лучше, чем в Москве и Питере. "У водоёма" — это солнечное утро в кишлаке, женщины-узбечки в своих национальных платьях, ажурная тень деревьев и главная ценность тех мест — вода.

Далее — творчество оттепели, что означало искренность и отречение от парадно-барственного классицизма. Отказ от пиджака в пользу клетчатой ковбойки и от идеальных пропорций в пользу "обычности". На постаменты Венер позднесталинской неоклассики пришли типовые девчата — курносые, свойские, для кого-то неказистые, а нам — родные. "Маришка-строительница", запечатлённая Спартаком Гориновым, великолепным куйбышевским соцреалистом: крупная, симпатичная девушка стоит на фоне радостных новостроек. Шло повсеместное возведение домов, впоследствии наречённых уничижительно — хрущёвками, а тогда это было праздником — получить ордер на свою, личную, квартиру. Художники со рвением откликались на социальный запрос, выезжая на стройки и выбирая музами строительниц, бетонщиц, крановщиц.

На картине Валентина Белоусова "Первая зима" изображены вереницы малышей, идущих в детский садик мимо ЛЭПов и построек нового квартала. Фигурки показаны схематично, сверху. Это излюбленный трюк Белоусова — он видит мир с некоей возвышенной точки. Такова же его "Карусель", где мы наблюдаем за автобусным "кругом", а вовсе не за аттракционом. Однако с высоты всё кажется именно каруселью в парке.

Оттепель — синоним дороги. Люди срывались с насиженных мест — часто не по своей воле, а по заданию партии, комсомола, правительства, и мчались навстречу городам, ЛЭПам и ветрам. За туманом и за запахом тайги. Романтика странствий? И не только. "В дороге" Гелия Коржева — это мрачноватая картина-повесть о бабе с ребёнком, что едут куда-то далеко-далеко. Ищет ли эта женщина с грубым, обветренным лицом какого-то волшебного счастья, как девочки-веточки, начитавшиеся журнала "Юность"? Хотя, может, она-то его — счастье! — ищет с гораздо большим рвением, ибо настрадалась.

Почерк эпохи — презрение к любой изощрённой красивости, которую связывали со сталинским антично-барочным каноном. Красота — настоящая! — должна быть угловато-колючей и наполненной ветрами, как природа, погода, люди на картине Юрия Боско "Будни Сталинградской ГЭС". Даже корифеи, такие как Аркадий Пластов, изображали "непричёсанную" действительность, но сие давалось им с трудом. "Портрет конюха Петра Тоньшина" занимателен тем, что Пластов как бы разрывается между противоборствующими стилистиками — пишет лицо конюха в классицистической манере, как младого патриция, но тулупчик и вихры, как принято в конце 1950-х — сурово-грубо-зримо.

Так называемый "суровый стиль" был разнолик — это не один лишь бетонный реализм в духе раннего Коржева, это ещё и подражание Полю Сезанну, фовистам, русскому авангарду — в частности, "Бубновому валету". Работа Виктора Иванова "Полдник" — отчётливый сезаннизм, где энергия цвета и форм играет бóльшую роль, чем сюжет.

Однако уже появлялось и другое, нежданно-негаданное направление. Мечты о будущем и романтизм новостроек переходили в свою противоположность — в культ старины и традиционности. Родился интерес к храмам, иконам, народным промыслам, деревне, которая сделалась оплотом нравственности, согласно идеям писателей-деревенщиков. "Дорогой гость" Сергея и Алексея Ткачёвых сказывает о встрече солдата-срочника. Изба, пожилая мать в платке, сёстры. Дух вечности. Душа Руси. Впрочем, та Русь давно запустила человека в космос, лидирует в науках, искусствах и балетах.

Владимир Стожаров и его "Московская сдоба" — это гимн купеческой благости с выпечкой и самоваром, а "Красный натюрморт" Валерия Ватенина кажется вообще религиозной живописью, хотя нет ни намёка на православную фабулу. В линиях и оттенке красного видится нечто от иконографии, а так — обычная свеча, бокал, фрукты, чеканка с золотистым самоваром. Новизна — прекрасна, да старорусские города — наше всё, о чём повествует Андрей Тутунов с картиной "Вечер в Переславле-Залесском". Ускоряющийся ритм требовал антитезы, а спешка "Натюрморта с газетами" (всклокоченные страницы с новостями, пепельница, радиоприёмник) Игоря Попова контрастирует с портретом беленькой девочки на фоне стогов Игоря Обросова ("Девочка и стога"). Гул бешеного мегаполиса против тишины луга.

Советский путь — тотальная грамотность и насаждаемая культурность. Отсюда бесконечные сюжеты о просвещении окраин, и "Музыкальная школа" Ирины Шевандроновой в том же светлом ряду. Маленькая якутка в школьной форме и унтах пришла обучаться гармонии, игре на фортепиано, сольфеджио, "Этюду" Черни и "К Элизе" Бетховена. В СССР чтили творческую элиту, а Дмитрий Жилинский был знатным портретистом и бытописателем профессуры, искусствоведов, музыкантов. Перед нами портрет скульптора Алексея Зеленского с дочерью" — застывший академизм, этакая перекличка с Ренессансом; интеллектуалы, погружённые в себя и своё монументальное творчество.

КАРТИНЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА, в отличие от "тоталитарного наследия" (это был сарказм), не вызывают бурных эмоций и желания о них велеречиво рассказывать. Возможно, это моя персональная зацикленность на советской тематике, но я сужу и по количеству зрителей в залах. Возле Жилинского, Пластова, Пименова, Нисского все задерживаются, застревают, а вот помещения, отданные под 1990-е–2000-е годы, публика пролетает, едва мазнув глазами.

Справедливости ради: пейзажи самарцев Юрия Филиппова и Валентина Пурыгина исключительно хороши как по колористике, так и по техническим приёмам. Сейчас довольно много крепких живописцев, но словно бы что-то ушло, и дело не в отсутствии Советской власти, а в общем настрое. Приходилось читать, что изобразительность пережила последний свой пик в XX веке, уступив обманной виртуальности. С этим и связано равнодушие толп к нынешним творениям и повышение интереса к до-интернетным графике, живописи, архитектуре.

Итак, ретроспектива "Грани XX века" — это путешествие в прошлое, встреча с настоящим и надежда на будущее. Кто знает, как повернутся наши пути и не ждёт ли нас очередной всплеск "реальной", не компьютерной, бытности, вещественности? Нейросеть не всесильна и, откровенно сказать, утомляюща. Да что там? Мертва изначально.

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: «Будни Сталинградской ГЭС», художник Ю.И. Боско. 1960 г.

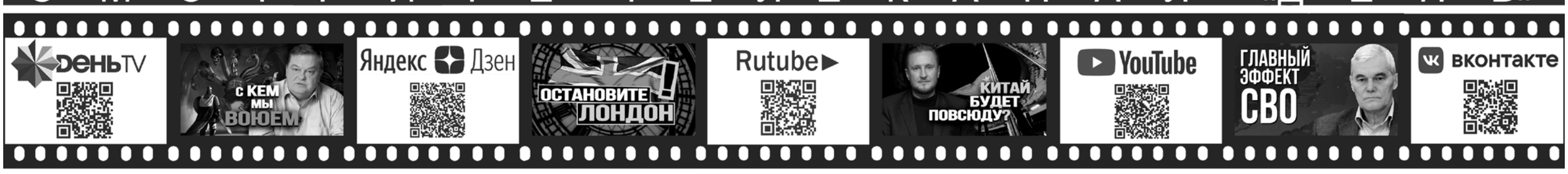
5 февраля (воскресенье) 14.00

С.В. РАХМАНИНОВ И ЕГО ВРЕМЯ

Концерт ансамбля "Благовест" в Рахманиновском зале Консерватории

В новой программе, посвящённой 150-летию со дня рождения великого русского композитора, представлена широкая палитра музыкальной жизни Серебряного века. Вы услышите части двух вершинных сочинений Сергея Васильевича: Литургии и Всенощного бдения, а также произведения его учителей и современников.

Ведущий концерта — Антон Висков.

Адрес: ул. Большая Никитская, д. 11
Справки по тел. +7(495)198 11 33

СМОТРИТЕ ТЕЛЕКАНАЛ «ДЕНЬ»